

Среди ночи бронзовое зеркало внезапно треснуло.

Се Линь проснулся от кошмара, холодный пот заливал его с головы до ног, но он не смел пошевелиться. Человек в зеркале ухмылялся ему в лицо.

Это было его собственное лицо — но мертвенно-бледное, с глазами, оплетёнными паутиной кровавых прожилок, и с несмытыми следами туши в уголке рта. В руке он сжимал свиток с Кровавым Указом, где каждая строка сочилась кровью и ранила, как лезвие; капли падали вниз, оставляя на поверхности зеркала извилистые алые следы.

— Ты дочитал, — прошептал двойник, и его голос звучал так, будто доносился из самих недр земли. — Теперь моя очередь.

Се Линь резко отпрянул назад и опрокинул подсвечник. Язык пламени метнулся в сторону, но человек в зеркале не шелохнулся, и улыбка на его губах стала ещё шире.

— Ты не я, — прохрипел он.

— Это ты — подделка, — легко усмехнулся тот. — Ты всего лишь оставленный в те семь дней призрачный силуэт, разорванный Кровавым Указом. А я... я и есть истина.

За дверью посмертно-тихие шаги — легкие, как опавшие листья.

Цэнь Чжао толкнул дверь и вошел. Он не зажигал свет, в его руке покачивался лишь тусклый фонарь с зелёным маслом, и отсветы пламени выделили старый шрам на его переносице, похожий на кровавую нить.

Одного взгляда ему хватило, чтобы понять, что произошло.

— Седьмой день миновал, — голос Цэнь Чжао звучал ровно, но в нём чувствовалась тяжесть рухнувшей горы. — Твой фантом не рассеялся, а превратился в исторического духа.

Се Линь резко обернулся, его глаза были налиты кровью:

— Ты знал? Ты с самого начала знал, что это за Кровавый Указ?

Цэнь Чжао приблизился и поставил фонарь на стол. В дрожащем свете утопала бездонная усталость на дне его глаз.

— Кровавый Указ — вовсе не указ, это зеркало одержимости, — медленно произнёс он. — Каждое прочитанное тобой слово расщепляло твою душу на проклятые осколки: один ты

помнил правду, другой был стёрт из летописей династии, третий отказывался хранить молчание. Семь дней, семь слоев — к седьмой ночи всё должно было сгореть дотла, а твоя душа — вернуться к костям летописцев.

Он замолк, и его кончики пальцев едва коснулись дрожащего запястья Се Линя.

— Но ты не сгорел.

— Потому что... — голос Се Линя дрожал. — Те, кого убили — все они главные виновники переписывания истории прошлых лет. Великий наставник, министр ритуалов, глава Академии Ханьлинь... Когда они умирали, на их лицах застыла улыбка. Словно они наконец обрели свободу.

Цэнь Чжао кивнул:

— Их убил не ты. Их убила сама история. Ты лишь... стал её орудием.

Се Линь яростно сжал кулаки:

— Так я сошёл с ума?

Цэнь Чжао поднял взгляд и посмотрел ему прямо в глаза:

— Ты не сошёл с ума, Се Линь. Ты стал воплощением истории.

За окном внезапно поднялся ветер, зашуршала бумажная занавеска, и в щелях стен зазвучали бесчисленные шёпоты. Издалека донёсся смутный крик, за которым последовало зарево пожара — это полыхало поместье министра военных дел, охваченное огнем уже в третий раз за эту ночь.

Се Линь рассмеялся, и этот смех резал слух:

— Тогда... кого мне убить?

Цэнь Чжао ничего не ответил, лишь медленно протянул руку и сжал его ладони.

Их руки соприкоснулись: теплое прикосновение отдавало железистым запахом крови.

— Тех, — тихо промолвил он, словно роса упала на дно глубокого колодца, — кто не смеет признаться, что они убийцы.

Се Линь замер.

Он вспомнил безжизненные глазницы дряхлой старухи, багровую точку киновари на переносице мумифицированного трупа великого наставника и тот момент в прошлой жизни на казни, когда он сунул бамбуковые планки за пазуху Цэнь Чжао, а тот бросил ему в ответ: Я буду ждать тебя. Вернись со всеми костями мертвецов, чтобы дожидаться тебя.

В этот миг к нему пришло озарение.

Это не он убивал продажных чиновников.

Это сожженные хроники, растоптанные души и погребённая в грязи правда чужими руками взыскивали долги.

Голос Цэнь Чжао продолжил звучать, легкий, словно вздох:

— Каждое прочитанное тобой слово — это то, что они хотели высказать, но не могли. Каждого убитого тобой человека сорваны маски, которые они жаждали разорвать.

Се Линь закрыл глаза. Когда он снова открыл их, в его взгляде больше не было страха — лишь безмятежная багровая пелена.

— Кто... следующий?

Цэнь Чжао опустил взгляд и достал из рукава желтый шёлковый свиток. Это был не императорский указ, а обрывок царской родословной, на котором киноварью было выведено имя: младший брат Вдовствующей императрицы, Чжао Чэнъань.

— Это он подделал завещание твоего венценосного отца, — произнёс Цэнь Чжао. — Он же отдал приказ сжечь «Летописи Внутреннего двора», написанные твоей матерью. Разве твоя матушка повесилась по собственной воле?

Ногти Се Линя глубоко вонзились в ладони.

Он помнил. В ту ночь перед смертью императрица сжала его руку и просила: Не верь историческим книгам... никому, кто их пишет...

— Чжао Чэнъань, — выдохнул Се Линь, и в его голосе зазвучал металл. — Он должен умереть.

Цэнь Чжао кивнул и спрятал желтый свиток обратно в рукав.

— Я пойду с тобой.

Се Линь посмотрел на него:

— Ты уже растратил всю свою жизненную силу. Если пойдешь следом, ты умрешь.

Цэнь Чжао улыбнулся, и эта слабая улыбка весила больше любой клятвы.

— Если бы ты не пошел, я бы уже умер.

Он поднял руку, и его кончики пальцев коснулись лба Се Линя так же нежно, как когда-то в бедном переулке, когда он растирал для него тушь.

— Ты не сошёл с ума, Се Линь. Ты просто... наконец-то осмелился увидеть всё как есть.

За окном поднималась кровавая луна.

Ветер скользил вдоль дворцовых стен, и казалось, будто шепчут миллионы людей.

— Теперь моя очередь.

— Теперь моя очередь.

— Теперь моя очередь.

В зеркале другой Се Линь медленно поднял руку, и Кровавый Указ превратился в алый луч света, вонзившийся Се Линю прямо в сердце.

Он больше не дрожал.

Он поднялся на ноги и накинул окровавленные траурные одежды.

— Пойдём, — сказал он.

Цэнь Чжао последовал за ним. Шаги его были легки и неспешны, но казалось, будто летописец выводит кистью строки — шаг за шагом впечатывая их в самый костный мозг этой династии.

Они вышли за дверь. Позади них бронзовое зеркало разлетелось на куски, и кровавые тени из него разлетелись бесчисленными осколками, устремляясь к дворцовым стенам, городским

воротам, кухонным очагам простого народа и детским букварям.

История ожила.

А они стали её плотью и кровью.

<http://bllate.org/book/19340/1891115>